

*Посвящается Бобу Гейгеру
по причинам, не нуждающимся в объяснении,
и Бобу Дилану за песню «Mister Tambourine Man»*

Тот, кто превращает себя в зверя,
избавляется от муки быть человеком.

Доктор Джонсон

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Когда наркотики начали действовать, мы были где-то в районе Барстоу, на самом краю пустыни. Я помню, как сказал: «У меня немного кружится голова, лучше ты сядь за руль...» Внезапно со всех сторон раздался страшный рев, и небо потемнело от существ, смахивающих на гигантских летучих мышей. Они с верещанием пикировали на автомобиль с открытым верхом, несущийся в Лас-Вегас на скорости сто шестьдесят километров в час. Чей-то голос заорал: «Господи! Что это за чертовы твари?» Потом опять все стихло. Мой адвокат, сняв рубашку, поливал грудь пивом, чтобы ускорить загар.

— Какого хрена ты разорался, — пробормотал он, глядя на солнце прищуренными глазами сквозь изогнутые линзы испанских солнечных очков.

— Не обращай внимания, — ответил я. — Твоя очередь вести машину.

Я нажал на тормоз и направил Большую Красную Акулу к обочине. «Насчет летучих мышей лучше пока промолчать, — подумал я. — Бедняга сам их скоро увидит».

Почти полдень, а нам ехать еще больше ста пятидесяти километров. Изматывающих километров. Я знал, что очень скоро нас обоих начнет плющить. Но обратной дороги нет, как нет и времени на отдых. Придется перетерпеть в пути. Регистрация журналистов на знаменитых гонках «Минт-400» уже началась. Чтобы получить звуконепроницаемый люкс, надо успеть к четырем часам пополудни. О номере и заодно о громадном красном кабриолете «шевроле», который мы взяли в прокате на бульваре Сансет, позаботился модный спортивный журнал из Нью-Йорка. Как-никак я профессиональный журналист и кровь из носу обязан выдать статью о гонках.

В редакции отдела спорта мне выдали триста долларов командировочных, и бóльшая часть суммы была уже истрачена на чрезвычайно опасные наркотики. Внутренность багажника смахивала на передвижную полицейскую наркологическую лабораторию. С собой у нас было два мешка травы; семьдесят пять гранул мескалина; пять листов мощнейшей «промокашки»; солонка, до половины наполненная кокаином; целое созвездие разноцветных таблеток — взбодриться, успокоиться, поорать, поржать; а также литр текилы, литр рома, ящик «Будвайзера», пол-литра чистого эфира и две дюжины ампул амилнитрита. Все это мы закупили накануне вечером, как ужаленные гоня по округу Лос-Анджелес от Топанги до Уоттса. Хватали все, что шло в руки. Многовато для одной поездки, но, когда начинаешь

всерьез запастись наркотой, бывает трудно остановиться.

Беспокойство вызывал только эфир. На свете нет существа более беспомощного, безответственного и порочного, чем человек, погрузившийся в бездну эфирного выхлеста. И я знал, что мы скоро нанюхаемся этой дряни. Возможно, уже на ближайшей заправке. Мы почти всё перепробовали, и теперь настал черед нюхнуть эфиру. Потом — сто пятьдесят километров пути в состоянии жуткой, слюнявой, тупой прострации. Единственный способ не вырубиться под эфиром — принять кучу амилнитрита, но не всю сразу, а постепенно, ровно столько, чтобы, проезжая через Барстоу, удержать машину на дороге на скорости сто сорок километров в час.

— Чувак, вот это я понимаю путешествие под дурью! — воскликнул адвокат. Он наклонился, чтобы увеличить громкость радио, мурлыча в такт и мямля припев: «Обкурился сгоряча, ну и дела...» Обкурился? Вот дурила! Ты еще чертовых летучих мышей не видел!.. Радио я почти не слышал. Перегнувшись через сиденье, возился с магнитофоном, орущим на всю громкость «Сочувствие к дьяволу» «Роллинг Стоунз». У нас была только эта запись, и мы крутили ее снова и снова как безумный контрапункт орущему радио. И еще, чтобы поддерживать дорожный драйв. Движение с постоянной скоростью экономит бензин. На тот момент эта мысль почему-то казалась важной. В такой поездке надо следить за расходом горючки

и не делать резких ускорений, от которых кровь приливает к затылку.

Адвокат увидел голосующего раньше меня.

— Давай подвезем пацана, — предложил он и затормозил прежде, чем я успел что-то сказать.

Бедный увалень из Оклахомы подбежал к машине с улыбкой до ушей, выпалив:

— Ни хрена себе, ни разу в жизни не ездил в кабриолете!

— Неужели? — процедил я. — Ну что, готов?

Малец закивал, и мы рванули с места.

— Мы хорошие, — сказал адвокат. — Мы не такие, как все.

О Боже, что он несет?

— Кончай базар, — сказал я. — А то пиявок напушу.

Адвокат ухмыльнулся, словно понял намек. К счастью, шум в машине — от ветра, радио и магнитофона — стоял такой, что пацан на заднем сиденье вряд ли мог слышать хоть слово. Или мог?

Долго ли мы так продержимся? Сколько пройдет времени до того, как один из нас начнет бредить и грузить мальчика всякой лабудой? Что он о нас подумает? Именно в такой безлюдной пустыне жила семейка Мэнсона. Не свяжет ли паренек этот факт с нами, когда адвокат начнет вопить о пикирующих на машину громадных летучих мышах и морских скатах? Если свяжет — что ж, придется отрезать ему голову и где-нибудь закопать тело. После такого его нельзя отпускать. Он немедленно настучит в логово полицаев-наци

какого-нибудь местного захолустья, и те зачморят нас, как последних собак.

Господи! Я сказал это вслух или только подумал? Реально сказал? И он услышал? Я искоса глянул на адвоката, но тот как будто ничего не заподозрил, следил за дорогой, вел нашу Большую Красную Акулу на скорости сто семьдесят в час или около того. С заднего сиденья не доносилось ни звука. «Может, лучше поболтать с парнем? — подумал я. — Если все объяснить, глядишь, успокоится».

Ну, конечно. Я откинулся на спину и одарил юнца широкой улыбкой. Мне понравилась форма его черепа.

— Кстати, — произнес я, — есть одна вещь, которую тебе надо знать.

Мальчишка смотрел на меня, не мигая. Зубами закрипел. Или показалось?

— Ты меня слышишь? — рывкнул я.

Он кивнул в ответ.

— Вот и хорошо. Я хотел сказать, что мы едем в Лас-Вегас за Американской мечтой. Вот для чего мы взяли напрокат эту машину. Другая для этого не годится. Сечешь?

Парень опять кивнул, но в глазах у него промелькнула тревога.

— Я хочу, чтобы ты видел полную картину. Нам поручена жуткая миссия, пахнущая большим риском для здоровья. Черт, совсем забыл про пиво. Хочешь пива?

Пацан отрицательно замотал головой.

— А как насчет эфира?

— Чего?

— Не бери в голову. Давай сразу к сути. Видишь ли, ровно сутки назад мы еще сидели в баре «Поло» отеля «Бeverли-Хиллз», во дворике, конечно. Короче, сидим мы там под пальмой, и к нам подваливает карлик в ливрее с розовым телефоном и говорит: «По-видимому, это тот самый звонок, сэр, которого вы ждали все это время».

Я засмеялся и вскрыл банку пива, залив пеной сиденье.

— И знаешь что? Он попал в точку! Я ждал звонка, хотя не знал, от кого он поступит. Врубаться?

На лице пацана застыла маска нескрываемого ужаса и замешательства. Меня понесло дальше:

— Имей в виду: человек за рулем — мой адвокат. Это не псих какой-нибудь, которого я подобрал на бульваре. Бля, ты только посмотри на него! Он совсем не похож на нас с тобой, верно? А все потому, что он иностранец. Кажется, из Самоа. Но это не важно, правильно? Ты случаем не расист?

— Нет, что вы! — вырвалось у него.

— Я так и подумал. Потому что, несмотря на его национальность, он для меня представляет невероятную ценность.

Я бросил взгляд на адвоката. Его мысли витали где-то далеко от нас.

Тогда я двинул кулаком по спинке водительского сиденья.

— Это важно, черт возьми! Я не вру!

Машина опасно вильнула в сторону, но быстро выровнялась.

— Не трогай, блядь, мою шею! — рявкнул адвокат.

Мальчишка застыл на заднем сиденье, словно прикидывал, не выпрыгнуть ли на полном ходу.

Между нами пробегали неприятные флюиды — но почему? Я был озадачен и расстроен. Неужели в этой машине ни с кем нельзя пообщаться? Неужели мы скатились до уровня тупых животных?

Между тем я ничего не выдумал. В этом я был уверен. И считал очень важным делом до конца разъяснить смысл нашего путешествия. Мы действительно просидели в баре «Поло» много часов, попивая «Сингапурский слинг» с мескалем и лакируя смесь пивом. Поэтому, когда поступил звонок, я был к нему готов.

Помню, карлик подошел к нашему столику с опаской, и, когда он передал мне розовый телефон, я ничего не говорил — только слушал. Потом повесил трубку и повернулся к адвокату.

— Из редакции звонили, — сообщил я. — Хотят, чтобы я немедленно отправился в Лас-Вегас и связался с фотографом-португальцем по имени Ласерда. Он расскажет все подробности. Мне надо лишь заселиться в номер, он сам меня найдет.

Адвокат немного помолчал, потом оживился:

— Какого черта! Кажется, я понял расклад. Задание не обещает ничего хорошего. — Он заправил майку цвета хаки в вискозные клеши и заказал новый коктейль. — Без советов опытного юриста

ты наломаешь дров. Вот мой первый совет: возьми напрокат скоростную тачку с откидным верхом и свали на хер из Лос-Анджелеса хотя бы на пару суток. — Адвокат грустно покачал головой. — Капец уик-энду — мне, естественно, придется ехать с тобой. И еще — надо вооружиться.

— Почему бы и нет? — сказал я. — Если за такое дело вообще братья, то надо делать его на совесть. Нам понадобится приличное оборудование и побольше налика — хотя бы на наркоту и сверхчувствительный магнитофон, чтобы все постоянно записывать.

— На какую тему репортаж?

— О «Минт-400» — самой коронной внедорожной гонке для мотоциклов и песчаных багги в истории профессионального спорта. Фантастическое зрелище, устроенное в честь жирного жлоба по имени Дел Уэбб, владельца роскошного отеля «Минт» в самом центре Лас-Вегаса. По крайней мере, так говорится в пресс-релизе. Мой человек в Нью-Йорке только что зачитал его по телефону.

— Как твой адвокат я советую купить мотоцикл. Иначе как ты сможешь правильно писать о таких вещах?

— Ну уж нет. Где мы тут возьмем «Винсент Блэк Шэдоу»?

— Это еще что?

— Улетный байк. У новой модели объем движка две тысячи кубов, мощность двести лошадиных сил, четыре тысячи оборотов в минуту, рама из

магниевого сплава с двумя седлами из пености-рола и собственная масса ровно девяносто килограммов.

— Подходящий аппарат для такого замеса.

— Идеальный, — заверил я. — Эта холера не любит повороты, но на прямой трассе гонит так, что чертям тошно. F-111 сделает на взлете.

— На взлете? А мы сами не улетим?

— Ни фиги. Я позвоню в Нью-Йорк, пусть готовят бабло.